

DOI: 10.15393/j9.art.2008.271

Е. П. Литинская

Петрозаводск

**ПЕРЕВОДЫ В. А. ЖУКОВСКОГО
ИЗ РИМСКИХ АВТОРОВ:
ХРИСТИАНСКИЕ ТРАДИЦИИ
В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ**

Жуковский как переводчик западноевропейской литературы широко известен, однако его заслуги в области перевода римских произведений пока мало оценены. Эта часть поэтического наследия русского поэта являет собой парадоксальный, на первый взгляд, синтез античных и христианских мировоззрений. Наиболее ярко эта поэтическая особенность переводчика проявляется в изображении женских образов в переводах Жуковским латинских эпических произведений (отрывки из «Метаморфоз» Публия Овидия Назона и «Энеиды» Публия Вергилия Марона).

Из обширных и сложных по композиции «Метаморфоз» Овидия Жуковский в 1819 году в кратчайшие сроки (с 13 по 20 декабря) переводит «Цейкса и Гальциону» (XI, 410—748) — отрывок, представляющий собой эпиллий, искусно вплетенный римским автором в общую канву поэмы. Это драматический эпизод о преданной любви молодых супругов Цейкса и Гальционы, об их разлуке, гибели Цейкса во время бури и соединении любящих супругов после смерти (об их превращении в птиц). На первый взгляд, в переводе античного текста отсутствуют христианские мотивы. Но образ преданной Гальционы, которая верит в воссоединение

с супругом даже вопреки смерти, гармонично вписывается в христианское осмысление проблемы смерти—бессмертия.

Перевод Жуковского из «Энеиды» Вергилия был сделан с латинского подлинника¹ в течение двух месяцев, мае—июне 1822 года. Из многих тысяч стихов поэмы Жуковский выбрал вторую песню. Она посвящена драматическим событиям падения Трои: повествованию о роковом «деревянном» коне, о лжи и коварстве данайцев, «дары приносящих», о сожжении Трои и божественном спасении Энея. Как видим, латинский текст дает широкое поле для проработки темы смерти. Следуя канонам жанра, Жуковский перевод героического эпоса не насыщает сентиментально-романтическими мотивами. Но повествование во многих случаях психологизируется, образы усложняются.

В очевидно христианском контексте русский поэт интерпретирует женские образы. Так, Гекуба, видя падение Трои, обращаясь к супругу Приаму, восклицает: «Умрем неразлучны»² (519), тогда как в латинском тексте просто «*moriere simul*»³ — вместе умрем (524).

Один из самых поэтических образов в «Разрушении Трои» — это, конечно, тень погибшей Креузы, жены Энея. Перевод сцены с Креузой, умоляющей Энея не покидать их. Латинскую фразу: ‘*si periturus abis, et nos gare in omnia tecum*’ (675) (*если ты долженствующий умереть решил уйти, и нас возьми во все с собой*) Жуковский интерпретирует в любимом ключе: «Если себя на погибель Ты осудил — да погибнем с тобой и мы неразлучны» (664—665). Креуза вторит Гекубе, таковы античные женщины в понимании поэта-романтика. В эту фразу он вложил все свое сердце, всю свою душу, ибо это было его самым заветным

¹ А. А. Дерюгин в результате изучения рукописей и книг из Библиотеки Жуковского приходит к выводу, «что при работе над "Разрушением Трои" русский поэт держал перед глазами немецкий перевод П книги "Энеиды", сделанный Шиллером» (*Дерюгин А. А. В. А. Жуковский — переводчик римских поэтов // Переводоведение и культурология: цели, методы, результаты. М., 1987. С. 143*).

² Цит. по: *Жуковский В. А. Собр. соч.: В 4 т. Т. 3. М.; Л., 1960. С. 252—273*. В тексте подчеркиваются слова, отсутствующие в подлиннике или переданные с изменением. В скобках указывается цитируемая строка.

³ Цит. по: *P. Vergili Maronis. Aeneis / Rec. O. Ribbeck. Lipsiae: Teubner, 1886. С. 19—50*. В скобках указывается цитируемая строка. Курсивом выделен подстрочный перевод.

199

желанием: быть вместе с любимым человеком и на земле, и на небе. Словосочетание «deserta Creusa» (562) (*покинутая Креуса*) — «я вспомнил о сирой Креузе»⁴ (555).

Жуковский не мог не добавить к образу преданной, любящей Креузы своих печально-романтических черт:

Вдруг перед очи мои появилась призраком, легкой
Тенью она... и казалась возвышенной прежнего станом.
Я ужаснулся, волосы дыбом, голос мой замер.
Тихо с улыбкой, смиряющей душу, сказала Креуза.
(762—765)

Не томи ж по Креузе утраченной сердца.
(774)

Смолкла и тихо со мной, проливающим слезы, рассталась;
Много хотел я сказать, но она улетела: трикраты
Я за летящую тению руки простер, и трикраты
Легкая тень из напрасно объемлющих рук ускользнула,
Словно как веющий воздух, словно как сон мимолетний.
(780—785)

У Вергилия образ Креузы материален. Жуковский же

живописует легкую, практически невидимую тень, призрак, нежно любимый, появившийся на земле только на миг, вот-вот готовый улететь, раствориться в воздухе. Для этого он вводит отсутствующие в оригинале слова и сочетания: «призраком», «летающую тению», «легкая тень», «объемлющих рук», «словно как веющий воздух, словно как сон мимолетный». В этих строках поэт выразил свое душевное томление, излил вечную боль сердца. Он всегда верил в чистую любовь, в Промысел, в бессмертие, светлое и святое. Позднее, в 1823 году, Жуковский пишет стихотворение на смерть Маши Протасовой — «вечной любви поэта»⁶, в котором развивает этот же образ, но в исключительно

---

⁴ Сирая — 1. Ставший сиротой. 2. перен. Одинокий, бедный (*Ожегов В.* Толковый словарь живаго великорусского языка. М., 1882. Т. IV. С. 188).

⁵ Нам не обойтись без биографического комментария. Дело в том, что в жизни поэта были обстоятельства весьма печальные для него: несчастная любовь поэта к его племяннице, Марье Андреевне Протасовой. Брак влюбленных свершиться не мог из-за сурового взгляда на этот вопрос матери девушки. Это сердечное влечение во многом обусловило то, что поэт на протяжении всей своей жизни говорит о печальном жребии, в его стихах чувствуется тоска по милому человеку. О своей личной трагедии Жуковский писал: «Прежде я имел целью быть счастливым вместе с Машею. Все в жизни к прекрасному средство! И это вместе было бы для меня средством к прекрасному... От этого должно отказаться. ...Я назвался братом... вопреки себе — самое страдание есть средство к прекрасному! ... Мое небо ее счастье!» (*Жуковский В. А.* Письма. Отрывки из дневников // Жуковский В. А. Полн. собр. соч.: В 12 т. / Под ред. проф. А. С. Архангельского. СПб., 1902. Т. XII. С. 71—72).

200

христианском ключе. Сочетание обеих идей — вечности через воскресение в райском покое и вечности через память воплотилось в стихотворении на память Марии Протасовой.

Приведем текст полностью:

Ты предо мной
Стояла тихо.
Твой взор унылый
Был полон чувства.
Он мне напомнил
О милом прошлом...
Он был последний
На здешнем свете.
Ты удалилась,
Как тихий ангел;
Твоя могила,
Как рай, спокойна!
Там все земные
Вспоминанья,
Там все святые
О небе мысли.
Звезды небес,
Тихая ночь!..⁶

Античный «призрак, легкая, летящая тень» Креузы становится христианским «тихим ангелом». Необходимо отметить неоднократное использование поэтом (как при переводе текста Вергилия, так и при создании собственного оригинального стихотворения) различных форм лексемы «тихий»⁷. Креуза «тихо... сказала», «тихо... рассталась»; героиня лирического стихотворения «стояла тихо», «тихий» ангел, «тихая» ночь. Для поэта тишина, спокойствие, умиротворение, наконец рай, тождественны смерти.

---

⁶ Текст приводится по изданию: Жуковский В. А. Собр. соч.: В 20 т. Т. 1. С. 365.

⁷ Поэт вновь обращается к своему любимому лирико-эмоциональному эпитету «тихий» — «тихо едет», «тихая дубрава» (См. балладу «Людмила»).

Немецкий филолог-классик М. фон Альбрехт отмечает:

Гораций (sat. 1, 10, 44 сл.) метко подчеркнул «нежное и остроумное» (*molle atque facetum*) в его (Вергилия. — *Е. Л.*) даровании; однако у Вергилия есть острое чувство драматического, трагического мироощущение, которое — проявляясь местами в раннем творчестве — с полной силой, разворачивается в *Энеиде*⁸.

Жуковский как талантливый поэт и переводчик сумел прочувствовать, пережить и мастерски воспроизвести эту особенность поэзии латинского поэта.

Гальциона, Креуза, Гекуба — таковы античные женщины в понимании русского поэта, они становятся романтическими героинями, основными чертами которых являются одухотворенность, глубина и сила чувств.

Христианское понимание любви (духовная, возвышенная, не связанная с преходящим, земным) ложится в основу интерпретации языческих образов римской литературы.

---

⁸ *Альбрехт М. фон.* История римской литературы. М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004. С. 736.